

*Предчувствия мрачного ритма тревожные
В мир очарованный грубо взрываются...*

Скрябин. Поэма экстаза

Тишина – синоним пустоты.

Ее часто путают с моим вторым именем Piano, что в музыкальной терминологии означает «тихо». Это возможно понять, когда я звучу. Но мои клавиши давно не согревались виртуозными пальцами музыканта.

Кто я?

Струнная одежда клавишного механизма со сложной системой рычагов, передающих усилие от музыканта через 88 клавиш к молоточкам, удары которых по струнам производят звук.

Но так говорить обо мне – это как рассказывать о композиторе, описывая его анатомию.

Попробую по-другому.

Ноты мертвы без звука, и мое звучание переворачивает труп партитуры, чтобы она посмотрела на небо.

Но теперь все желают пандемии.

Закрыв уши локдауном, они оставили меня в одиночестве в храме с куполом в форме полушария, стоящем на берегу горного озера так, что вместе с его отражением в воде образуется форма шара – самая совершенная.

Покрывало вязкой тишины в нереальном здании воздушной архитектуры с колоннами из благовоний

и табачного дыма. Эти колонны, освещаемые световой симфонией, подвижны, растекаются и вновь собираются. Это переменное здание текучее, как и музыка.

Но музыка осталась лишь в моей памяти и воображении.

Дивные видения вибраций причудливых тембров вызывают ощущения глубокого погружения в миражи идеальных пропорций и пространства красоты.

Меня влечет мастерство композиторской звукописи, ведущее своей кистью по канве тишины.

Трудно выразить тишину реальности языком искусства без погружения в сновидение, в котором музыка и текст становятся его дешифровкой, трансформацией пиано в форте, букв – в ноты, партитуры – в музыкальный акт.

Предчувствие перемен всемирного масштаба витает в воздухе. Вряд ли даже самые осторожные пессимисты могли год тому назад предположить, что этот всплеск культурной энергии увенчается страшной мясорубкой пандемии.

Ковид стал «мистерией», исполняемой всем человечеством, а ремарка в ее партитуре «En delire» означает «играть в исступлении».

Какофония человеческой популяции заполняет все регистры, звуча в басах, подобно мощным и гулким большим колоколам, а вверху – подобно малым, и внезапно перезвон обрывается пронзительным аккордом панической апатии.

И в этот момент старые жанры искусства разлетаются привидениями, а новые не в силах принять твердую форму, в которой фантастические, «неземные» звуки рождают представление не то о «первозданном хаосе», не то об отзвуках каких-то неведомых космических миров, отражают невольный смутный трепет...

Многоголетия сновидения на миг сменились тишиной, а затем проявились в прозрачных «взлетах» и нежно «журчащих» трелях, которые устремились ввысь и там замерли...

Он сопротивлялся пробуждению, цепляясь за струны – остатки сна, скрывающиеся под крышкой ночной тишины.

Закурив папиросу, взглянул на партитуру, лежащую на краю клавиш. Ноты на листах вздрагивали в свете до половины сгоревшей свечи.

Небольшого роста, с маленькой бородкой и закрученными вверх усами, он был одет тщательно и элегантно. Своим видом он нередко разочаровывал тех, кто ожидал найти в нем нечто соответствующее грандиозности его творческого замысла.

– Надо, чтобы получилась форма, как шар, совершенная, как кристалл, я не могу закончить раньше, чем почувствую, что шар есть, – выпустив клуб дыма, проговорил он, обращаясь то ли к фортепиано, то ли к исписанной нотами бумаге.

На ней пестрели сложные выкладки вычислений количества тактов, планы тонального развития, подчиненные только ему ведомому принципу с безукоризненными деталями графического изложения музыки. В этом было его понимание значения внешнего вида нотного текста.

Он вновь задумывался над трудностями, встающими на пути к реализации его замысла. Это были прежде всего вопросы способов записи многообразных художественных средств: речи, шепотов, танцев, движений, жестов и даже взоров. Он стремился зафиксировать все с абсолютной, математической точностью, поскольку малейшая неточность может помешать достижению необходимой гармонии.

Он взглянул в окно своей однокомнатной квартиры, обстановка которой пыльной голограммой отражала застывшую советскую пышность хрущевки преподавателя музыкального училища.

Темнота за окном возвращала в исчезающий навсегда сон. Света в городе не было уже два дня. Декабрьский снегопад включил локдаун в электрическую зависимость людей.

Ритмичный звук генератора черной громадины тюрьмы, застывшей на противоположном краю пустыря, наполнял тишину тревогой, даря тусклый

свет в мерцающих окнах камер, распределяя ее обитателям надежду.

– В музыке мы являемся заложниками времени, я сумею преодолеть и остановить его. – Бормоча свою мантру, он опустил руки на клавиши фортепьяно.

В дверь постучали.

Взяв подсвечник с инструмента, он побрел в прихожую.

– Кто там? – глядя на блуждающие тени на потолке, спросил он.

– Служба судебных приставов. Мы за пианино. Изымаем за долги по ЖКХ. Решение суда вам отправлено в мессенджер госуслуг, – деформируя реальность, прошумел бас из повседневности.

Проверить он не мог по причине разряженного телефона в безэлектрическом настоящем.

Не имея больше энергии для внутреннего счастья, он отворил дверь.

